

элий Вайнерман

АНЯ: ЛЮБОВЬ
ПО-НЕМЕЦКИ

элий Вайнерман

АНЯ: ЛЮБОВЬ
ПО-НЕМЕЦКИ

Информация от издательства

*Художественное электронное издание
Оформление — Валерий Калныньш*

Вайнерман, Э.

Аня: любовь по-немецки / Элий Вайнерман. — М. : Время, 2021. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-2206-2

В новую книгу Элия Вайнермана «Аня: любовь по-немецки» вошли стихи, написанные на протяжении нескольких лет, и небольшое прозаическое вступление «Аня» — пронзительный рассказ об утраченной любви. Тема любви, то восторженной, то горькой, словно задаёт тон всему, о чём говорит поэт — от лирических откровений до философских размышлений о судьбах человечества. Простые и сложные, лаконичные и трогательные, эти стихи создают впечатление погружения в поток времени, в котором органично переплетены наблюдения и воспоминания автора.

© Элий Вайнерман, 2021

© «Время», 2021

АНЯ *ВСТУПЛЕНИЕ*

Мы встретились в общежитии Политехнического института одного из больших поволжских городов. Звали меня тогда Эдуардом, очень несуразное имя. Аня — из поволжских немцев, сосланных в Казахстан. Мы быстро сошлись душами, но я знал, что у моей матери до войны было много двоюродных братьев и сестёр. Всех их убили немцы. Сохранилась лишь фотокарточка одной из них, девочки лет пяти. Я мучился: что бы я сказал погибшим родственникам, если бы женился на немке? Как будто Аня была виновна в преступлениях немцев из другой страны.

История могла бы иметь бы счастливый конец, я уже собирался просить у Ани руки, если бы... Однажды вечером, когда я пришёл к Ане, коридоры в общежитии были непривычно пусты. По телевизору шёл популярнейший сериал о советском разведчике в гитлеровском Берлине. Аня не смотрела его. «Всегда показывают только немцев-нацистов, как будто других нет», — обиженно сказала она. Раньше все наши разговоры были лишь о нас двоих. Я промолчал, но подумал: мы никогда не поймём друг друга. Был я молод, и всё ещё по-юношески категоричен, и, сам того не осознавая, жесток.

Молодость и незрелость — не оправдание. Аня была моложе меня, но оказалась умнее и жертвеннее. Она была терпелива, добра и милостива. После того злосчастливого вечера я не скрывал от неё своей бурлящей неприязни к немцам и презрения к ним. Бездомную собаку не ударь, а немцы убивали людей. Сколько было «других» немцев? Аня пыталась умиротворить меня, даже говорила мне, что родина её предков — на границе с Голландией, там немцы более

похожи на голландцев, чем на остальных немцев, но передо мной вновь вставала чёрно-белая фотография моей никогда не выросшей двоюродной тётки-девочки лет пяти. Мы с Аней не поссорились. Я просто перестал к ней приходить... Не сказав слов прощания.

Последний раз мы случайно встретились с ней на улице. Аня старалась держаться бодро, улыбалась, но получалось это у неё плохо. Неловкая, жалобная улыбка не могла скрыть её радость и смущение от неожиданной встречи, неуверенность в себе, грусть. И у неё по-прежнему были добрые глаза. А я не нашёл ничего более важного, чем пересказать ей недавно прочитанную мной и произведшую на меня большое впечатление историю о том, как Томас Манн назвал оскорблением Бетховена исполнение его «Героической симфонии» в нацистском Берлине. Какое отношение имела к этому Аня? И об этом ли мне надо было с ней говорить?

Так за негодяев Третьего рейха пришлось заплатить нам, но это тоже не оправдание. Виноват я. В жизни каждого из нас совсем немного людей, которые могут нас любить...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ответов я не даю. Я спрашиваю.

Прохожая, я мог тебя любить...

Я не пойму, зачем ведёт нас память
В какие-то случайные места,
Где мимоходом мы прошли, —
И что осталось?
Тень на аллеях,
В окнах пустота.

А может, несвершившегося
Жаль нам?
Прохожая, я мог тебя любить.
Себя назвать. Тебя остановить.

О чудный мир, в котором за листвою
Полночной яблони мне открывалась тайна:
Загадка женщины, шагов звук, нежный лик,
Смятение и трепет ожиданья.

Я верил в совершенство мирозданья,
В безверии сад выцвел и поник.
И лишь во сне, где молодости миг,
Лик светлый женщины, её шагов звучанье.

С какой поры мы забываем море,
Не смотрим на загадочные звёзды
В саду ночном, где бабочки взлетают
На свет огня в окне в притихшем доме
И хрупкими телами тщетно бьются
О стёкла...

Я искал твой лунный образ,
Взгляд ласковый в бегущем океане,
На островах, безвестных Магеллану.
Крошились айсберги, шторма корабль швыряли.

Я на земле услышал нежный голос
В саду ночном, где бабочки стучали
Отчаянно в светящиеся окна.

Акаций листья опадают.
Последний кадр. Немая лента.
Конец истории, картины.
Уходит в вечность наше лето.

А мы совсем не ожидали:
Как-будто в мире нет смещения
Времени, страстей и обещаний —
Лишь утро, птиц в деревьях пенье.

Вернуться в лето и в начало,
Хоть листья сохнут, опадают.
Дай руку в тёмном кинозале.
Актёры снова нас играют.

Водоворот весенний
С каждым ручьём слышней —
Песнь страстная, песнь шальная,
Зовущая Лорелей.

Волна затопила лодку,
Рванулось весло из рук.
Читает юноша Гейне,
Бушует апрель вокруг.

Что скалы ему и гибель!
Он любит, его черёд.
Мир вешней бурлит водою
Поёт Лорелей, зовёт.

За винной лозою под солнцем лес
Оттаял, летят грачи.
Высокий замок. Гранит, горностаи.
Бойницы, в крови мечи.

Луч дальний, небесный,
Твой вспыхнул свет.
Зачем ты меня позвал!

Девушка в платье чёрном.
В руке хрустальный бокал.

Вино в нём клубится с ядом.
Спасти! Я опоздал.
Вроде бы только сказка.
Мир съёжился, чуждым стал.

Я на небо седьмое
Не люблю восходить,
Пусть зовёт к нему, мчится
В день ненастный такси.

Хоть на нём оживает
Из опавшей листва,
Мы с тобой повторяем
Первой встречи слова.

Поворот за холмами.
Ещё шаг — океан!
Яхты. Пёстрые флаги.
Из каких они стран?

Но с небес возвращенье
В день потухший, пустой.
Бьются голые ветки.
Не прошепчешь мне: «Мой...»

В ГОРОДЕ ЭТОМ ХМУРОМ

Девушки некрасивы
В городе этом хмуром —
Кажутся неуклюжи
Под ливнями их фигуры.

Но к ним подойдёшь ты близко,
В глаза, осмелев, заглянешь —
Цвет их прекрасней неба,
Боль в них — раненой лани.

О ЛЮБВИ

Счастливейшая музыка страданий —
Одна желанная из всех под небом бед.

Помилуй, музыка! Не звучи.
Тебя я хотел забыть.
Зачем возвращаешь мне зыбкий март,
Когда летели грачи.

Слепцом стать, оглохнуть! Через года
Обиженный, хрупкий взгляд.
Оттаяло небо. Летят грачи.
«Любовь не сберёг», — кричат.

Поэмы конец. Мне о нём рассказать?
В раскаянье все умны.
На старой могиле лоза вьюнка.
Музыка, замолчи!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Унылая дорога
Средь скошенных полей.
Обугленная роща.
Ты пел здесь, соловей!

Рассвет — скупец угрюмый —
Косым лучом мелькнёт —
Горит, тепла не дарит,
Цвет алый бережёт.

Вздохнёшь с стыдливой грустью:
О юности земля!
Заре не веришь, небу.
Лжёт солнце ноября.

Себе не доверяешь.
Свет лился. Три сосны.
Я расставался, клялся
Вернуться до весны.

Круги в стволах засохших —
Угрюмых вёсен счёт.
Но разве оправданье —
Судьбы круговорот?

Безлюдно возвращенье.
Бежать! В вагон! Скорей!
Стук. Тени набегают.
Ты пел здесь, соловей.

Среди объятий в день весенний
Вернётся мир давно забытый,
И снова нет тебе пощады,
Он перечислит все обиды.

Вновь тусклый свет окон вагонных,
Полночный путь без остановки.
Ты — паренёк совсем зелёный,
Перед попутчицей неловкий.

А остальное — страсть, размолвка,
Где неуклюже объясненье, —
Ему конца нет в жизни долгой.
Что год, то дальше от прощенья.

Пою тебя, но взгляд я твой не видел.
Без встречи мы сдружились на земле.
Я принял — жизни прежние обиды
Пути тебе закрыли в мир ко мне.

Мы не разделим сладостное утро.
Среди людей друг друга не узнать.
Тебя представить рядом. Ночь. Обрывки
Сонетов недописанных листать.

Наш разговор других не удивит.
Поэты нас оплакивать не будут.
Деревья вешние легко о нас забудут
Хотя зывали к нам средь них бродить.

Но нас художник вдруг отобразит
В необъяснимом для него порыве.
Ему расскажет небо: мы любили,
И кисть его нас снова возродит.

Сегодня ты рисовала
Сиреневые цветы.
Они на сирень похожи.
Их трепетны лепестки.

И я заблудился в мире,
Не мне теперь различать
Сирень твоего мольберта,
Кустов сиреневых прядь.

Цветы на твоём рисунке
Раскрылись, влюбляют нас.
Как мне не желать сирени
Волос твоих, губ и глаз!

В вечернем замке девушки поют
О королях, коронах, королевах.
Раскладывают карты.
Ждут любви.

Ждут. Спать идут в холодные постели.
Белы как снег и, словно снег, чисты.
Разведены, без путников, мосты.
Ров. Монотонно кружатся часы.

Я пил вино несбывшийся мечты.
Оскомина от выпитой слезы.
И пенье девушек вечернее из замка.

Весна! Весна! Зачем отваги
Ты ожидаешь от меня —
Из дома выйти одиноко
В бурленье радостного дня.

Но, глядя на людей прохожих,
Лиц дорогих мне не найти.
Сойду с дороги, уступая
Другим весенние пути.

ТОСТ

«Каждая женщина прекрасна» —
Горькая фраза,
Выдумали её добросердечные лжецы,
Чтобы не печалить дурнушек.

Так выпьем за мужчин,
Открывших их красоту!

ВЕЧНАЯ МЕЧТА

Лицо в лучах.
Откроет двери.

А год добавит круг деревьям.

ПЕСНЬ

Справа море, слева море.
Бирюзовая волна
Почернела. На просторе
Лодка утлая видна.

Ты куда плывёшь, безумец? —
В шторм бушующий гребёшь.
Потерял — уж не отыщешь.
Упустил — то не вернёшь.

Чудо-девица любила,
Ночью лунною звала.
Не пришёл я. Обернулась
В чудо-рыбку, уплыла.

Мне в волне погибнуть слаще,
Чем всю жизнь по ней страдать.
Я готов за ней в пучину —
Целовать, расколдовать.

Шторм утих. Светлело море.
Бирюзой волна цвела.
Одиноко на просторе
Лодка утлая плыла.

Зачем, о роза, тебе шипы?
Ведь зазываешь прохожих ты.
Бутоны раскрывши, в цвету зовёшь,
Их умоляешь: люби — сорвёшь.

Зачем, о роза, тебе шипы?
Самой же больно, что жалишь ты.

Цепь лыжниц вдоль долины.
Смех девушек цветущих.
Меняются картины,
Увидишь — не отпустят.

Но лыжницы уходят.
Из них кто обернётся?!
Мечта витает близко,
В любви мне признаётся.

АНТИЧНОСТЬ

Прости меня, но лучше — позабудь,
Чем изнывать в мучениях разлуки.
Жар губ моих твои запомнят руки —
От поцелуев закрывала грудь,
А я стонал. Блаженство к ней прильнуть! —
Не ожидая ярости разлуки.

АНТИЧНОСТЬ

Рабыня голая вина мне налила,
Под персиком ковёр нам расстелила.
«О, если б ты свободной родилась,
Я на коленях вымолил бы милость
Твоей любви!» — я ей шептал.
Сознание помутилось?
Нет! Я прозрел, суть судеб прояснилась.
В стенаньях сладостных
Я твой счастливый раб.